ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМАТА «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – КИТАЙ» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Мухтор Назиров

Доцент кафедры «Международные отношения»

Международной академии исламоведения Узбекистана, PhD

Аннотация. В статье рассматривается институционализация формата «Центральная Азия – Китай» как фактор трансформации евразийской региональной архитектуры. Основное внимание уделяется переходу от двустороннего взаимодействия к многосторонней модели сотрудничества, созданию Секретариата, развитию концепции «Сообщества единой судьбы Китай – Центральная Азия» и практическим направлениям экономико-инфраструктурного партнёрства. Сделан вывод, что данный формат постепенно приобретает черты квази-регионального института, однако его эффективность будет зависеть от согласования интересов Китая и государств Центральной Азии, а также от способности стран региона сохранять многовекторную внешнюю политику.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Китай, С5+1, институционализация, региональная архитектура, Секретариат, Сообщество единой судьбы, многовекторная политика, евразийская геополитика.*

Annotatsiya. Maqolada “Markaziy Osiyo – Xitoy” formatining institutsionallashuvi Yevrosiyo mintaqaviy arxitekturasining transformatsiyasiga ta’sir etuvchi omil sifatida tahlil qilinadi. Asosiy e’tibor ikki tomonlama hamkorlikdan ko‘p tomonlama hamkorlik modeliga o‘tish jarayoni, Sekretariatning tashkil etilishi, “Xitoy – Markaziy Osiyo yagona taqdir hamjamiyati” konsepsiyasining rivojlanishi hamda iqtisodiy-infratuzilmaviy sheriklikning amaliy yo‘nalishlariga qaratiladi. Xulosa

qilinadiki, mazkur format bosqichma-bosqich kvazi-mintaqaviy institut xususiyatlariga ega bo‘lib bormoqda, biroq uning samaradorligi Xitoy va Markaziy Osiyo davlatlari manfaatlarini muvofiqlashtirishga, shuningdek, mintaqa davlatlarining ko‘p vektorli tashqi siyosatni saqlab qolish qobiliyatiga bog‘liq bo‘ladi.

Kalit so‘zlar: *Markaziy Osiyo, Xitoy, C5+1, institutsionallashuv, mintaqaviy arxitektura, Sekretariat, yagona taqdir hamjamiyati, ko‘p vektorli siyosat, Yevrosiyo geosiyosati.*

Abstract. The article examines the institutionalization of the “Central Asia – China” format as a factor in the transformation of the Eurasian regional architecture. The main focus is placed on the transition from bilateral interaction to a multilateral model of cooperation, the establishment of the Secretariat, the development of the concept of the “China–Central Asia Community with a Shared Future,” and the practical dimensions of economic and infrastructural partnership. The article concludes that this format is gradually acquiring the features of a quasi-regional institution; however, its effectiveness will depend on the coordination of interests between China and the Central Asian states, as well as on the ability of the countries of the region to maintain a multi-vector foreign policy.

Keywords: *Central Asia, China, C5+1, institutionalization, regional architecture, Secretariat, Community with a Shared Future, multi-vector policy, Eurasian geopolitics.*

Введение

В последние годы Центральная Азия всё заметнее превращается из периферийной зоны евразийской политики в самостоятельный региональный узел, привлекающий внимание крупных внешних акторов. Это связано с изменением глобального баланса сил, ростом значения транспортно-логистических коридоров, конкуренцией за энергетические и минеральные

ресурсы, усилением роли Китая и стремлением самих государств региона диверсифицировать внешние связи.

Одним из ключевых проявлений этой трансформации является институционализация формата «Центральная Азия – Китай». Если ранее взаимодействие Пекина со странами региона строилось преимущественно на двусторонней основе, то в 2020-е годы оно всё активнее переходит к многосторонней модели: регулярным встречам, саммитам, отраслевым механизмам, экспертным платформам и постоянным координационным структурам. Согласно китайским источникам, механизм «Китай – Центральная Азия» был запущен в 2020 году, а первый очный саммит состоялся в Сиане в 2023 году [1].

Актуальность темы определяется усложнением евразийской политической среды: расширением ШОС, активизацией платформ «С5+1» и «В5+1», ростом значения Срединного коридора, изменением роли России после украинского кризиса и усилением глобальной конкуренции между Китаем и Западом. В этих условиях китайско-центральноазиатский формат становится частью более широкой перестройки регионального порядка в Евразии.

Научная проблема статьи состоит в выявлении того, как формат «Центральная Азия – Китай» трансформируется из дипломатической платформы в институционально оформленную систему сотрудничества и какие последствия это имеет для региональной архитектуры. Речь идёт не только о росте числа встреч и проектов, но и о качественном изменении взаимодействия: формировании устойчивых механизмов координации, общей нормативной риторики, экономической взаимозависимости и элементов долгосрочного регионального планирования.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составляет качественный политико-институциональный анализ. Объектом исследования является формат «Центральная Азия – Китай» как развивающийся механизм многостороннего взаимодействия КНР с пятью государствами региона. Предметом выступает процесс его институционализации, включая создание координационных структур, формирование нормативной повестки и развитие практических направлений сотрудничества.

В статье применяется институциональный подход, позволяющий рассматривать данный формат не как разовую дипломатическую инициативу, а как формирующуюся систему правил, процедур, органов и механизмов координации. Особое внимание уделяется таким элементам, как Секретариат, регулярные саммиты, министерские встречи, экспертные группы, финансовые инструменты и отраслевые платформы.

Дополнительно используются геополитический и сравнительно-аналитический методы. Первый позволяет выявить связь формата с изменениями евразийской региональной архитектуры, включая влияние ШОС, западных платформ, китайских инфраструктурных инициатив и многовекторной политики стран Центральной Азии. Второй даёт возможность сопоставить китайскую модель сотрудничества, основанную на инфраструктуре, инвестициях, суверенном равенстве и невмешательстве, с подходами США, ЕС и других западных акторов, акцентирующих нормативные и управленческие аспекты.

Также применяется когнитивный подход, ориентированный на анализ идей, дискурсов и нормативных конструкций китайской внешней политики. В центре внимания находится концепция «Сообщества единой судьбы Китай – Центральная Азия», выполняющая не только декларативную, но и идентификационную функцию, формируя представление о долгосрочной общности интересов Китая и государств региона.

Материалом исследования послужил доклад, посвящённый институционализации формата «Центральная Азия – Китай», его этапам, роли Секретариата, концепции «Сообщества единой судьбы», а также экономическим, инфраструктурным и геополитическим направлениям сотрудничества.

Результаты

Переход от двусторонней модели к многостороннему формату

Анализ показывает, что институционализация формата «Центральная Азия – Китай» является результатом постепенного перехода от преимущественно двусторонних форм взаимодействия к многосторонней модели сотрудничества. На протяжении длительного времени Китай выстраивал отношения со странами Центральной Азии в основном через отдельные двусторонние соглашения, инвестиционные проекты, энергетические контракты и инфраструктурные инициативы. Такая модель позволяла Пекину гибко учитывать специфику каждой страны, однако одновременно ограничивала возможности формирования единой региональной повестки.

Появление формата «С5+1» с участием Китая стало важным шагом к институциональному оформлению регионального диалога. Данный формат позволил объединить пять государств Центральной Азии и Китай в рамках единой дипломатической платформы, что открыло возможность для обсуждения не только двусторонних, но и общерегиональных вопросов. В этом смысле «С5+1» стал инструментом перехода от фрагментированного взаимодействия к более системной модели, в которой Китай рассматривает регион не только как совокупность отдельных государств, но и как целостное стратегическое пространство.

Важной вехой данного процесса стал первый очный саммит «Китай – Центральная Азия», состоявшийся 19 мая 2023 года в Сиане. В нём приняли участие председатель КНР Си Цзиньпин и лидеры Казахстана, Кыргызстана,

Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [2]. На этом этапе формат получил выраженное саммитное измерение, что повысило его политический статус и позволило закрепить его как отдельную площадку высокого уровня.

Следующий этап был связан с подготовкой и проведением второго саммита в Астане. По данным МИД КНР, второй саммит «Китай – Центральная Азия» состоялся 17 июня 2025 года в Астане при участии лидеров шести государств [3]. В политическом смысле это подтвердило регулярность формата и его переход от разового символического мероприятия к повторяющемуся механизму регионального взаимодействия.

Создание Секретариата как признак институциональной зрелости

Одним из наиболее важных результатов институционализации стало создание механизма Секретариата формата «Центральная Азия – Китай». Открытие Секретариата состоялось 30 марта 2024 года в Сиане, провинция Шэньси; в церемонии участвовали заместитель министра иностранных дел КНР Сунь Вэйдун, представители провинции Шэньси, представители центральноазиатских государств и дипломатический корпус [4].

Секретариат выполняет несколько функций. Во-первых, он обеспечивает организационную преемственность формата. Если встречи на высшем уровне или министерские заседания носят периодический характер, то Секретариат создаёт элемент постоянного институционального сопровождения. Во-вторых, он способствует координации конкретных проектов, особенно в экономической, инфраструктурной и транспортно-логистической сферах. В-третьих, Секретариат может выполнять роль экспертно-аналитического центра, обеспечивающего подготовку предложений, мониторинг реализации решений и согласование отраслевых инициатив.

Расположение штаб-квартиры Секретариата в городе Сиань также имеет символическое значение. Сиань исторически ассоциируется с Шёлковым путём

и занимает важное место в китайской историко-цивилизационной памяти. Поэтому размещение координационного механизма именно в этом городе подчёркивает стремление Пекина связать современное региональное сотрудничество с исторической символикой евразийской взаимосвязанности.

Однако создание Секретариата само по себе ещё не означает полной институциональной зрелости формата. Эффективность данной структуры будет зависеть от её реальных полномочий, ресурсов, способности координировать проекты, степени вовлечённости центральноазиатских государств и прозрачности механизмов принятия решений. Если Секретариат станет лишь протокольно-административным органом, его значение будет ограниченным. Если же он будет способен обеспечивать реальную проектную координацию, он может стать ключевым элементом новой региональной архитектуры.

Нормативное измерение: «Сообщество единой судьбы Китай – Центральная Азия»

Особое значение в институционализации формата имеет концепция «Сообщества единой судьбы Китай – Центральная Азия». В официальной китайской дипломатической риторике эта концепция рассматривается как часть более широкой идеи построения «сообщества единой судьбы человечества» и предполагает развитие сотрудничества вне жёстких военно-политических союзов, с акцентом на доверие, взаимную выгоду, совместное развитие, уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела. В ходе первого саммита в Сиане Си Цзиньпин заявил о необходимости строить более тесное «сообщество единой судьбы Китай – Центральная Азия» [2].

Концепция «сообщества единой судьбы» является частью более широкой внешнеполитической философии Китая. Она предполагает развитие сотрудничества вне жёстких военно-политических союзов, с акцентом на доверие, взаимную выгоду, совместное развитие, уважение суверенитета и

невмешательство во внутренние дела. В отличие от классических союзнических моделей, данная концепция не требует формального блокового выравнивания. Её привлекательность для стран Центральной Азии может заключаться именно в том, что она совместима с многовекторной внешней политикой.

Для Пекина эта концепция выполняет несколько функций. Во-первых, она позволяет представить китайскую активность в регионе не как экспансию, а как совместное развитие. Во-вторых, она формирует позитивную рамку восприятия китайских инвестиций и инфраструктурных проектов. В-третьих, она создаёт идеологический язык, через который Китай стремится закрепить долгосрочный характер партнёрства.

Для стран Центральной Азии восприятие данной концепции неоднозначно. С одной стороны, принципы суверенитета, невмешательства и взаимной выгоды могут находить отклик в регионе, где государства традиционно стремятся избегать внешнего давления и сохранять свободу манёвра. С другой стороны, чрезмерное сближение с китайской нормативной рамкой может вызывать осторожность, поскольку страны региона не заинтересованы в замене одной зависимости другой. Поэтому «Сообщество единой судьбы» следует рассматривать не как завершённую модель региональной идентичности, а как развивающуюся нормативную конструкцию, практическое содержание которой будет зависеть от баланса интересов всех участников.

Экономическое и инфраструктурное измерение сотрудничества

Практическое содержание формата «Центральная Азия – Китай» наиболее отчётливо проявляется в экономике, энергетике, транспорте, цифровизации и промышленной кооперации. Китай является одним из ключевых торговых и инвестиционных партнёров стран региона, участвует в развитии энергетических объектов, транспортных коридоров, промышленных зон и цифровой инфраструктуры.

Особое значение имеет проект железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Его реализация может существенно изменить транспортно-логистическую карту региона, сократить маршруты доставки товаров, повысить транзитный потенциал Центральной Азии и усилить её значение в системе евразийских коридоров. В июне 2024 года Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали межправительственное соглашение по проекту железной дороги, а в декабре 2024 года состоялся запуск проекта в Кыргызстане [5].

Для Узбекистана данный проект особенно важен, поскольку он расширяет возможности выхода на внешние рынки через альтернативные маршруты и способствует снижению зависимости от традиционных транспортных направлений. В региональном измерении железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан может усилить связанность Центральной Азии с Китаем, Южным Кавказом, Ближним Востоком и Европой, хотя её практическая эффективность будет зависеть от тарифной политики, таможенного регулирования, технической совместимости и общей безопасности транспортных коридоров.

В энергетической сфере сотрудничество включает проекты с участием китайских компаний, специализирующихся на солнечной и ветровой энергетике. Участие LONGi, TBEA, JA Solar, Trina Solar и Goldwind указывает на расширение китайского присутствия не только в традиционной энергетике, но и в секторе возобновляемых источников. Это соответствует как китайской стратегии продвижения зелёных технологий, так и потребностям стран Центральной Азии в модернизации энергетической инфраструктуры.

В цифровой сфере значимую роль играют технологии Huawei, включая элементы «умной» инфраструктуры, телекоммуникационные решения и цифровые платформы. Данный аспект сотрудничества имеет двойственную природу. С одной стороны, он способствует цифровой модернизации стран региона. С другой – создаёт вопросы, связанные с технологической

зависимостью, кибербезопасностью, управлением данными и стандартами цифрового суверенитета.

Таким образом, экономическое сотрудничество с Китаем постепенно выходит за рамки торговли сырьём и инфраструктурного строительства. Оно охватывает более сложные сектора, включая зелёную энергетику, цифровые технологии, промышленную кооперацию и финансовое сопровождение трансграничных проектов. Однако долгосрочные результаты этого процесса будут зависеть от того, смогут ли государства региона использовать китайские инвестиции для развития собственного производственного потенциала, а не только для усиления внешней зависимости.

Геополитический контекст и конкуренция внешних форматов

Институционализация формата «Центральная Азия – Китай» происходит в условиях усложнения геополитической среды. Центральная Азия остаётся пространством пересечения интересов Китая, России, США, Европейского союза, Турции, Индии, Ирана и государств Персидского залива. В такой конфигурации Китай стремится создать более управляемый и практически ориентированный формат взаимодействия, который дополняет, но не полностью заменяет другие механизмы.

Особое значение имеет трансформация Шанхайской организации сотрудничества. Расширение состава ШОС усилило её международный вес, но одновременно усложнило процедуры согласования и принятия решений. В этих условиях более компактный формат «Центральная Азия – Китай» может рассматриваться как инструмент гибкой координации, позволяющий Пекину оперативнее продвигать региональные инициативы.

Параллельно сохраняется конкуренция с западными форматами, прежде всего с платформами «С5+1» и «В5+1». Западные акторы уделяют больше внимания вопросам устойчивого развития, управления, институциональных

реформ, стандартов взаимодействия, частного сектора и нормативных принципов. Китай же делает акцент на инфраструктуре, инвестициях, торгово-экономической взаимосвязанности и уважении суверенитета. Эти подходы не являются полностью взаимоисключающими, однако они отражают различные модели внешнего присутствия в регионе.

Для государств Центральной Азии такая конкуренция открывает возможности для многовекторной политики. Региональные государства стремятся извлекать выгоды из взаимодействия с разными центрами силы, не допуская чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнёра. Именно поэтому институционализация формата «Центральная Азия – Китай» не означает автоматической китаизации регионального порядка. Скорее, она становится частью более широкой стратегии балансирования и диверсификации внешних связей.

Обсуждение

Институционализация формата «Центральная Азия – Китай» имеет несколько важных теоретических и практических измерений. С точки зрения теории международных отношений данный процесс можно рассматривать как формирование квази-регионального института. Он ещё не обладает характеристиками полноценной международной организации, но уже выходит за рамки обычного межправительственного диалога. Наличие регулярных саммитов, министерских встреч, Секретариата, экспертных групп и проектных механизмов указывает на постепенное уплотнение институциональной структуры.

При этом данный формат не является классическим интеграционным объединением. Он не предполагает передачи суверенных полномочий наднациональным органам, не создаёт общего рынка, таможенного союза или системы обязательного правового регулирования. Его специфика заключается в

гибкой институционализации: взаимодействие становится более регулярным и структурированным, но сохраняет межправительственный и суверенитетно-ориентированный характер.

Именно эта гибкость может объяснять привлекательность формата для стран Центральной Азии. Государства региона заинтересованы в развитии сотрудничества с Китаем, однако при этом стремятся сохранить свободу внешнеполитического манёвра. Поэтому формат «Центральная Азия – Китай» можно рассматривать как институциональный компромисс: он усиливает координацию, но не превращает регион в формальный блок под руководством Пекина.

Важным вопросом остаётся соотношение китайской нормативной повестки и национальных интересов стран Центральной Азии. Концепция «Сообщества единой судьбы» предлагает язык долгосрочного партнёрства, однако её практическое содержание должно быть наполнено конкретными результатами. Если проекты будут способствовать развитию транспортной связанности, энергетической устойчивости, цифровизации и промышленной модернизации региона, данная концепция может получить более устойчивое восприятие. Если же сотрудничество будет усиливать долговую, технологическую или инфраструктурную зависимость, нормативная привлекательность китайской модели может снизиться.

Кроме того, важно учитывать, что Центральная Азия не является пассивным объектом китайской стратегии. Государства региона обладают собственными внешнеполитическими интересами и стремятся использовать формат для продвижения национальных приоритетов. Казахстан заинтересован в развитии транспортных коридоров, энергетики и промышленности; Узбекистан – в расширении транзитного потенциала, торгово-экономической кооперации и привлечении инвестиций; Кыргызстан и Таджикистан – в инфраструктурной

связанности и финансовых ресурсах; Туркменистан – в энергетическом сотрудничестве и экспортных маршрутах. Следовательно, формат развивается не только под влиянием Китая, но и в результате встречной заинтересованности стран региона.

Вместе с тем существуют и риски. Первый риск связан с асимметрией экономических возможностей Китая и стран Центральной Азии. Китай значительно превосходит региональные государства по масштабу экономики, финансовым ресурсам, технологическому потенциалу и институциональной мощи. Это может создавать неравновесие в переговорах, особенно при реализации крупных инфраструктурных проектов.

Второй риск касается долговой и финансовой устойчивости. Хотя китайские инвестиции и кредиты могут ускорять развитие инфраструктуры, они требуют тщательной оценки окупаемости, прозрачности условий и соответствия национальным стратегиям развития.

Третий риск связан с технологической зависимостью. Расширение цифрового сотрудничества создаёт возможности для модернизации, но одновременно усиливает зависимость от китайских технологических стандартов и платформ.

Четвёртый риск имеет геополитический характер. Укрепление формата «Центральная Азия – Китай» может вызывать реакцию других внешних акторов, включая США, ЕС и Россию. Это создаёт для стран региона необходимость проводить особенно взвешенную многовекторную политику.

Наконец, пятый риск связан с институциональной эффективностью. Формальный запуск Секретариата и других механизмов не гарантирует практической результативности. Для устойчивого развития формата необходимы прозрачные процедуры, регулярная отчётность, согласованность проектов,

участие экспертного сообщества и способность адаптироваться к меняющимся региональным условиям.

Несмотря на эти риски, институционализация формата «Центральная Азия – Китай» имеет значительный потенциал. Она может способствовать укреплению региональной связанности, развитию инфраструктуры, расширению торговли, модернизации энергетики и повышению стратегической значимости Центральной Азии. В долгосрочной перспективе этот формат может стать одним из элементов новой евразийской архитектуры, в которой регион будет выступать не только объектом внешней конкуренции, но и самостоятельным участником формирования правил сотрудничества.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов.

Во-первых, формат «Центральная Азия – Китай» эволюционировал от преимущественно двустороннего взаимодействия к многосторонней и институционализирующейся модели сотрудничества. Министерские встречи, саммиты, создание Секретариата и развитие отраслевых механизмов свидетельствуют о стремлении перевести взаимодействие в более устойчивую и системную плоскость.

Во-вторых, Секретариат стал важным признаком институциональной зрелости формата. Он может выполнять координационные, организационные и экспертно-аналитические функции, однако его реальное значение будет зависеть от полномочий, ресурсов и способности обеспечивать выполнение согласованных решений.

В-третьих, концепция «Сообщества единой судьбы Китай – Центральная Азия» формирует нормативную и идентификационную основу сотрудничества, позволяя Китаю представить своё присутствие как долгосрочное партнёрство,

основанное на взаимной выгоде, суверенном равенстве и совместном развитии. Её устойчивость будет зависеть от подкрепления этой риторики реальными экономическими и социальными результатами.

В-четвёртых, практическое содержание формата проявляется прежде всего в экономике, инфраструктуре, энергетике и цифровизации. Железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан, проекты ВИЭ, участие китайских технологических компаний и финансовые инструменты расширяют материальную базу сотрудничества. Их долгосрочный эффект будет зависеть от прозрачности, эффективности и соответствия национальным интересам стран региона.

В-пятых, институционализация формата происходит на фоне конкуренции внешних акторов. Китай делает акцент на инфраструктуре, инвестициях и невмешательстве, тогда как западные форматы чаще подчёркивают институциональные стандарты, управление и устойчивое развитие. Центральноазиатские государства стремятся использовать эту конкуренцию для укрепления собственной субъектности и многовекторной политики.

В-шестых, формат «Центральная Азия – Китай» можно рассматривать как формирующийся квази-региональный институт. Он не является классическим интеграционным объединением, но уже обладает признаками регулярности, процедурности и постоянной координации. Его развитие будет зависеть от способности участников согласовывать китайские стратегические инициативы с национальными приоритетами стран Центральной Азии.

В целом институционализация формата «Центральная Азия – Китай» отражает трансформацию евразийской региональной архитектуры. Китай всё активнее выступает не только как экономический партнёр, но и как участник формирования регионального порядка. Однако масштабы и последствия этого процесса будут определяться не только политикой Пекина, но и уровнем

координации, стратегической самостоятельности и многовекторной дипломатии самих государств Центральной Азии.

Список источников:

1. China Daily. (2025, April 28). China, Central Asia vow to uphold multilateralism. https://en.people.cn/n3/2025/0428/c90000-20308473.html
2. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2023, May 19). President Xi Jinping chairs the inaugural China-Central Asia Summit and delivers a keynote speech. https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/3255_664392/3257_664396/202305/t20230519_11080116.html
3. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2025, June 17). Xi Jinping attends the second China-Central Asia Summit and delivers a keynote speech. https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/xjpcxdejzgzyfh/202506/t20250619_11653305.html
4. Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. (2024, March 30). The Secretariat of the "Central Asia-China" format was opened in Xi'an. https://mfa.gov.tm/en/articles/1200
5. Syed Fazl-e-Haider. (2026, January 27). China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway financing loan signed. The Jamestown Foundation. https://jamestown.org/china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-financing-loan-signed/
6. Nazirov, M. (2023). New Dynamics of Regionalization in Central Asia. Central Asian Journal of Social Sciences and History, 4(12), 63–67. Retrieved from https://cajssh.casjournal.org/index.php/CAJSSH/article/view/980
7. Nazirov, M. (2021). Main Features of Chinese Policy in Central Asia. Central Asian Journal of Social Sciences and History, 2(12), 90-95.